

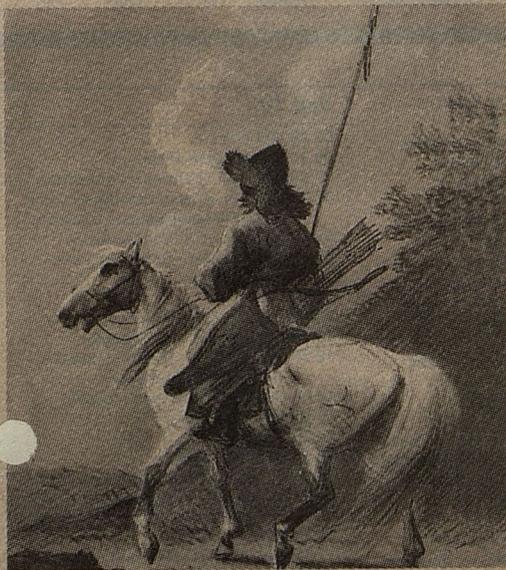
выставка

подобрали, одеди, повесили

Пазета 2003 - 4 день - с 15.

|| СЕРГЕЙ САФОНОВ

В залах графики Третьяковской галереи открылась выставка «Любимцы моды легкокрылой...». За пушкинской строкой скрываются три современника поэта: Александр Орловский, Орест Кипренский и Федор Толстой. В экспозиции около двухсот графических и три десятка скульптурных произведений первой половины XIX столетия из запасников музея.

Все участники выставки отдали дань батальным сюжетам. Александр Орловский. «Всадник — киргиз с пикой». 1807

Вернисажи в старом здании музея случаются нечасто и отличаются какой-то особой патриархальностью. Публика, в которой немало не только особо приглашенных, но и утомленных хождением по залам будничных посетителей галереи (их безошибочно выдают синие полиэтиленовые пакеты поверх обуви, что придает персонажам известную живописность), рассаживается прямо среди картин — и начинается неспешный рассказ устроителей. В этот раз повествование особенно напоминало первое занятие в клубе юных любителей прекрасного: выступления все время вертелись вокруг того, что сделать хорошую выставку непросто. Оказывается, нужно выбрать правильные работы, которые будут правильно сочетаться друг с другом, правильно их оформить в правильные же паспарту и рамы (на музейном жаргоне — одеть) и, наконец, развесить. На вкус корреспондента Газеты, стоило бы или объяснить зрителям, что такое все эти «правильно», или уж побольше говорить о самих виновниках торжества. Тем более что у каждого из них нынче юбилей: Орловскому исполнилось бы двести двадцать пять лет, двум другим экспонентам — по двести двадцать. Но столько не живут.

Просочившись довольно-таки пухлой толпой в полузакрытую, словно по традиции советских магазинов и учреждений, узкую дверь, публика обнаружила действительно прелюбопытную выставку. Орловский, например, был одним из первых российских художников, обратившихся к технике литографии, однако на выставке он предстает мастером, виртуозно владеющим самыми разными рисовальными техниками. Исполнение и сами сюжеты его работ очень темпераментны: это всевозможные «Битвы», «Тройки», «Всадники». Впрочем, на такой тематике художник не заикливался — есть здесь и портреты узнаваемых современников, и серия «Типажи», выполненная в 1820-е годы. Среди заинтересовавших автора «экзотических» профессий — мусорщик, продавец варежек и щеток, пирожник и пряничник.

Следующие залы с работами Кипренского, что называется, возвышеннее. Тут тебе и «Смерть Клеопатры», и «Языческие жрецы, убивающие первых киевских христиан в храме Перуна»; все эти несчастья увековечены приблизительно в 1803 году. Может быть, оттого, что это всего лишь композиционные эскизы, автор не слишком заботился о «защищенности» изображения от случайного зрителя, и разглядывать эти листы интереснее: в них проступает творческая лаборатория художника. В экспозиции Кипренского публика также найдет и реальные приметы пушкинской эпохи: портреты детей, офицеров, княгини Щербатовой и графа Комаровского. На одном из рисунков — Ефим Игнатьевич Чаплиц, сподвижник Суворова, участник штурма Очакова и Измаила, герой Отечественной войны 1812 года.

Тема войны присутствует и в работах третьего юбиляра: гипсовые бело-голубые медальоны из серии, посвященной русско-французской баталии, открывают экспозицию Федора Толстого. Говорят, он считал себя в первую очередь скульптором, а рисунок и акварель называл занятиями несерьезными. Между тем его знаменитые обманки, будь то «Бабочка», «Птичка» или «Ветка винограда», разглядывать действительно интересно, и вовсе не только потому, что все на них «как живое»: радость узнавания — одно, а высокое ремесло — совсем другое. Залы Толстого вообще полны раритетов, будь то иллюстрация к поэме Богдановича «Душенька» (1817—1833), многофигурные сепии или помещенный в центре экспозиции дотошный «Автопортрет с семьей», выполненный во вроде бы эфемерной технике скульптуры из... воска. Помимо самого автора в композицию включены изображения его жены Анны Федоровны Дудиной, пуделя по кличке Гектор и дочери Елизаветы. Вообще-то у художника их было две. «Первая умерла молодой, вторая была замужем за литератором», — бесстрастно сообщает музейная аннотация.